

ВЛАДИМИР ДОБРОВ

ТАЙНЫЙ
ПРЕЕМНИК
СТАЛИНА

Загадка 1937 года

Владимир Добров

Тайный преемник Сталина

«Алисторус»

2010

УДК 323
ББК 63.3

Добров В. Н.

Тайный преемник Сталина / В. Н. Добров — «Алисторус»,
2010 — (Загадка 1937 года)

ISBN 978-5-6994-3402-2

Подготавливал ли Сталин себе достойную смену? Каким он видел будущее страны? Почему едва ли не самому талантливому в российской истории государственному деятелю, принявшему полуразрушенную страну с деревенской сохой, а оставившего ее современной и великой державой с ядерным оружием, не удалось добиться сохранения преемственности своего курса? Ответ на эти вопросы ищет в своей книге член Союза писателей РФ и исследователь сталинской темы В. Н. Добров. Опираясь на воспоминания людей, близко знавших И. В. Сталина, и архивные материалы, ряд которых публикуется впервые, автор приходит к выводам, которые могут показаться парадоксальными. Как показано в книге, И. В. Сталин готовил себе преемника, а также воспитывал и обкатывал на руководящих должностях молодую смену руководства СССР. Однако в ходе государственного переворота 5 марта 1953 года страна сошла с намеченного Сталиным пути, а подобранные вождем молодые руководители были отодвинуты в сторону старой партийной гвардией, стремившейся сохранить свою власть.

УДК 323

ББК 63.3

ISBN 978-5-6994-3402-2

© Добров В. Н., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Часть 1	7
Знакомьтесь: преемник Сталина	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В. Н. Добров

Тайный преемник Сталина

© Добров В. Н., 2010

© ООО «Алгоритм-Книга», 2010

© ООО «Издательство Эксмо», 2010

Часть 1

Кому Сталин хотел доверить страну

Знакомьтесь: преемник Сталина

– Товарищ Пономаренко? С вами будет говорить товарищ Сталин.

Первый секретарь ЦК Белорусской компартии прождал еще около минуты, держа в руках трубку специальной связи, когда услышал, наконец, глуховатый голос Сталина:

– Здравствуйте, товарищ Пономаренко. Как идут восстановительные работы в Минске? Собираетесь ли Вы приехать ко мне в Потсдам, как обещали?

– С восстановлением возникли сложности. Я сообщил об этом в ЦК, надеюсь на помощь Центра. Но основное сделаем сами. Как раз сегодня у нас актив – обсудим выдвинутые предложения. У нас к этому делу подключены все областные и районные организации. Думаю, через месяц доложу вам о первых результатах. Приехать к вам не могу. Планирую поездки по ряду областей и городов, где надо срочно решать вопросы. Меня уже ждут и не поймут, если не приеду. Люди верят нам, надеются на конкретную помощь. Не хотелось бы их подводить. Да и вам мешать неудобно.

– Хорошо, действуете по своему плану. До свидания.

Сталин привычно подавил раздражение, вызванное отказом в его просьбе. Он хорошо контролировал себя и умел подчинять эмоции холодному разуму. Вот и сейчас вождь понимал, что Пономаренко прав. Бросать неотложные, горящие дела, от которых зависели судьбы многих тысяч людей, он не мог. Даже ради встречи с первым в государстве и партии человеком, – тем более что на этой встрече предполагались беседы на темы, не имевшие прямого отношения к решавшимся в республике вопросам. И Сталин невольно провел параллели со своими соратниками – членами Политбюро. Уж из них-то никто бы отказался. Тот же Хрущев моментально бросил бы все дела и помчался в Потсдам.

Хорошо еще, что среди партийных руководителей остаются такие люди, как Пономаренко. Жаль только, что мало. Куда больше бездумно-поислушных и угодливых, как этот Хрущев. Сколько их отстраняли, а они все равно лезут наверх. Придется скоро взяться за прополку и выкорчевку всех этих сорняков...

Вождь пригласил Пономаренко в берлинский пригород Потсдам, где должна была проходить конференция держав – победителей Германии по послевоенному регулированию. По его указанию там для Пономаренко был даже приготовлен специальный домик. По пути на конференцию Сталин пару раз спрашивал «Не приехал ли Пономаренко?». Но домик пустовал, и Сталин решил позвонить Пономаренко лично.

А началось все 15 июля 1945 года, когда по пути в Германию вождь побывал в Минске и, естественно, беседовал с главой белорусской партийной организации по назревшим вопросам, главным образом касавшимся преодоления послевоенной разрухи. Беседа началась в поезде и продолжалась по пути его следования к границе. Сильное впечатление произвели на вождя сплошные разрушения, которые он видел из окна вагона: от Смоленска до Минска сожженные деревни и развалины поселков и городов. Пономаренко стал рассказывать ему о восстановительных работах, которые касались не только жилья для людей, но и школ, больниц, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. К этим работам активно привлекаются и части Советской армии. Пережитые испытания сплотили людей, сделали их более дружными, сплоченными и менее эгоистичными, подчеркнул руководитель белорусских коммунистов. Предусмотрено и то, что многие семьи лишились мужских рук, им, конечно же, труднее восста-

навливать жилье. Разработанный правительством порядок восстановления предусматривает оказание им специальной помощи. Из землянок в новые дома переселилось уже более 100 тысяч семей воинов Советской армии, погибших партизан и подпольщиков.

Но тут в разговор вмешался Берия, сопровождавший специальный поезд до границы. «Вы, товарищ Пономаренко, сильно разбрасываетесь. Предприятия, больницы. Все силы сейчас надо сосредоточить на строительстве жилья. Вот мы проехали по Белоруссии, везде одни разрушения. Человек без жилья – плохой работник. Все надо бросить именно сюда. Иначе люди вас не поймут».

«Они уже поняли и сами требуют, чтобы наряду с жильем мы восстанавливали школы, а их у нас более 10 тысяч, больницы, детские дома, – резко возразил Пономаренко. – Да и те же машинно-тракторные станции. Они уже к 1 июля на 138 процентов выполнили план весенних полевых работ. И я не согласен с тем, что человек без жилья плохой работник. У нас сейчас многие его не имеют, а работают в полную силу, самоотверженно. Понимают, что все сразу восстановить невозможно. И вообще я против починов и призывов, когда все бросается на одно-единственное дело или направление. Выделить главное, да, согласен, но и о другом забывать не следует. Да это и нереально, все ведь между собой связано. Мы этот вопрос уже обсуждали в ЦК и Совнаркоме Белоруссии и свою позицию определили».

Удивленный таким отпором Берия замолчал. Сталин же – а именно от него Берия позаимствовал свои аргументы – с интересом вслушивался в разгоревшуюся перепалку. Ему нравилась горячность и равнодушие к своему делу белорусского секретаря. Чувствовалось доскональное знание им не только хозяйственных вопросов, но и настроений людей. Сталин знал также, что в отличие от других руководителей республиканских, да и областных организаций Пономаренко предпочитает коллективный метод руководства. Не только выслушивает, но и старается учесть в своей работе разумную критику и возражения своих подчиненных. Никогда не кричит на них, не унижает. В отличие от Берии и Хрущева, к общению которых с теми, кто ниже их по рангу, вполне подходит афоризм «речь без мата, что щи без томата», Пономаренко такой приправы к своему общению с людьми никогда не добавлял.

Вождю нравилось и то, что молодой белорусский руководитель решения всегда принимал сам и не прятался за спины других, когда это решение не нравилось его прямым кураторам в Москве, в Центральном Комитете. Сталин уже получал жалобы на его действия, но каждый раз проверка показывала, что Пономаренко всесторонне и глубоко продумывает свои решения, не боится ответственности за них и твердо отстаивает свою позицию перед Центром.

Сталин ценил и поощрял такие качества у партийных и хозяйственных руководителей, он видел, что людей, обладающих этими качествами, становилось все меньше. Сталин с горечью говорил об этом и на Политбюро, и на всевозможных партийных собраниях и заседаниях, но положение не менялось. Число «аллилуйщиков партийных решений», как раздраженно называл их вождь, становилось все больше, а вдумчивых, хорошо знающих настроения людей и ситуацию на местах руководителей типа Пономаренко все меньше... Энтузиазм социалистического строительства первых десятилетий советской власти спал на глазах, что проявлялось и в настроениях «низов», и в поведении руководящих «верхов». Это было какое-то поветрие, связанное, видимо, с меняющимися объективными факторами развития страны, им надо было дать теоретическую оценку и на ее основе разработать соответствующие контрмеры. Но до этого руки не доходили: работа, связанная с хозяйственным восстановлением страны и обеспечением ее безопасности – надо было уже вплотную заниматься созданием атомного оружия, которое уже, по данным разведки, имелось у американцев – занимала все время. А по-настоящему освоивших марксистско-ленинские методы теоретиков и идеологов было раз-два и обчелся. В напряженном ритме социалистического строительства, тяжелейших военных испытаниях было не до их полноценной подготовки. Только теперь стало понятно, что здесь допустили очевидный просчет.

Сталин хорошо знал ситуацию в республиканских партийных организациях и потому с явной заинтересованностью слушал рассказ Пономаренко. В Белоруссии активность коммунистов, в отличие от других республик и областей, была довольно высокой. А партийные организации всех уровней работали продуманно и инициативно, в них действительно бурлила жизнь. Это было просто удивительно, учитывая, что в закончившейся войне погиб каждый третий житель республики – это были самые высокие потери, понесенные в годы этой страшной войны какой-либо нацией. И Сталин испытывал невольные симпатии к столь пережившему и пережившему народу, который, несмотря на все это, сохранил стойкость духа и уверенность в завтрашнем дне. Да и сам Пономаренко в разговоре со Сталиным ни на что не жаловался, он ставил вопросы, относящиеся к этому завтрашнему дню, к будущему буквально возродившейся из пепла Белоруссии.

До войны Минск представлял собой город с узкими, кривыми улицами, низким уровнем благоустройства. В нем не было крупных промышленных предприятий, отсутствовала современная система коммунального хозяйства. Эту ситуацию следовало менять. Пономаренко предложил построить в белорусской столице крупный авиационный и тракторный заводы. Ну а восстанавливать город надо с совершенно новым обликом – широкими улицами и проспектами, красивыми домами и современными коммунальными службами. Все это требовало немало средств из союзного бюджета. Сталин, однако, дал свое согласие, тут же поручив Молотову начать подготовку соответствующего Постановления Правительства о строительстве тракторного завода и вызвать в Минск представителей Госплана и Наркомата автомобильной и тракторной промышленности. Когда тот поморщился – со средствами в тот период была крайне трудно, их не хватало даже для восстановления разрушенных предприятий, жизненно важных для страны, – добавил: «Белорусы этого заслужили. Они должны знать, что их подвиг высоко ценит весь советский народ».

Позже Пономаренко говорил друзьям, что жалел, что не поехал в Потсдам. Надо было все-таки откликнуться на сталинское приглашение, тем более что ему было о чем поговорить с вождем. До пограничной станции Барановичи, где сошел Пономаренко, он успел коснуться в беседе со Сталиным и последних достижений в области металлургии и химии. Белорусский секретарь, инженер по образованию, постоянно читал техническую литературу и следил за научно-техническими новинками. Тут он нашел общую почву с вождем, который также много читал, в том числе книги и публикации на технические темы. Сталин всячески старался поощрять деятельность конструкторов, изобретателей и рационализаторов и, в отличие от других членов Политбюро, подробно изучал наиболее интересные проекты, добивался выделения денег на их реализацию. Его не останавливало даже то, что такие проекты подчас оказывались очередным «вечным двигателем», а выделенные на них средства затрачивались впустую. «Без неудач и риска в науке и изобретательском деле не бывает, – говорил в таких случаях вождь – Лучше потратиться впустую на три несостоявшихся изобретения, чем упустить четвертое, которое может в десятки раз компенсировать затраченные средства». Пономаренко придерживался такого же подхода. На всех своих партийных и хозяйственных постах он поддерживал ученых и изобретателей, даже когда их проекты казались многим сомнительными и нереальными.

Руководителя республики не остановила, например, неудача с проектом производства искусственного каучука из торфа, которым были так богаты болота белорусского Полесья. В каучуке, закупавшемся за рубежом, сильно нуждалась промышленность страны, особенно оборонная. В лабораторных условиях, в пробирках уже получали искусственный каучук и вполне приемлемого качества. Сталин лично интересовался ходом работ, оказывал необходимую под-

держку. Но наладить серийное производство искусственного каучука не удалось, хотя для этого и был построен ряд предприятий и даже начато строительство комбината, на что затрачены немалые средства. Потерпела неудачу и попытка производить бензин из торфа, хотя экспериментальные опыты вначале были успешными. На строительстве завода по его производству было занято почти 50 тысяч человек, но он так и не заработал. Пономаренко, конечно же, сильно переживал эти неудачи, но поддерживать ученых, изобретателей и новаторов не перестал.

Впервые Сталин услышал фамилию Пономаренко на одном из предвоенных совещаний в ЦК партии, и это тоже было связано с научно-технической темой.

На совещании наряду с другими вопросами обсуждался и утверждался список научной и учебной литературы, которую предстояло выпустить в ближайшие годы. Она издавалась массовым тиражом и требовала немалых бюджетных средств, которые надо было экономить, учитывая начавшийся разворот всей хозяйственной, общественной и научной жизни в сторону подготовки к надвигавшейся войне. Совещание вел заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК партии Маленков, но в Президиуме сидел Сталин, который, не теряя время, просматривал списки книг и учебников, которые предстояло резко сократить. Впрочем, все вопросы, видимо, были проработаны и согласованы ранее с теми же учеными, специалистами и сотрудниками цеховского аппарата, которые сидели в зале. Когда речь зашла о списке учебников для университетов и институтов технического профиля, Маленков, скорее для проформы, задал вопрос: «Есть ли возражения по этому списку?» – готовясь уже перейти к следующим документам.

– Есть, товарищ Маленков. Здесь нет очень важного учебника по металлургии, а это лучшее учебное пособие в настоящее время. Без него трудно будет вести полноценную подготовку инженеров.

Из первых рядов, где сидели сотрудники аппарата ЦК, поднялся молодой человек, на которого сразу же устремились все взоры. Видно было, что он волновался, но говорил четко и уверенно.

– Я знаю, о чем вы говорите. У этого учебника какое-то мудреное название, его даже не выговоришь. Когда я обратил на это внимание, мне посоветовали его вычеркнуть. Кстати, как раз профессор, специалист по горному делу. И вообще этот вопрос уже решен, – заметил Маленков.

– Не знаю, какой он специалист, только как инженер, закончивший транспортный институт, могу поручиться: лучше учебника по металлургии сейчас нет. Название действительно мудреное, но оно нам не мешало. Без этого учебника вести подготовку инженеров будет трудно. А если вопрос решен, зачем спрашивать наше мнение?

– Подождите, товарищ, как вас зовут? – В разговор вмешался Сталин.

– Пономаренко, – подсказал сидящий рядом с ним сотрудник аппарата ЦК.

– Вы действительно уверены, товарищ Пономаренко, в необходимости этого учебника?

– Уверен, товарищ Сталин. И как коммунист, и как выпускник инженерного института. Лучшего пока нет.

– Ну, раз уверены, то, я думаю, надо еще раз изучить этот вопрос. Хорошие инженеры сейчас нужны.

На следующий день, когда Маленков пришел к Сталину подписать окончательное решение о списках, тот продолжил начатый на совещании разговор:

– Этот ершистый паренек Пономаренко прав. Я посмотрел ваши списки и не нашел там еще несколько книг и учебников, которые нужно было оставить. В чем дело? И с какими специалистами вы консультировались?

– Это известные ученые и опытные специалисты. Мы подбирали наиболее надежных и преданных советской власти. И старались сохранить поменьше учебной литературы, созданной в царское время.

– В этом ваша ошибка. В металлургии и химии классовый подход – несусветная глупость. Вам ли не знать это с вашим инженерным образованием. А насчет известных ученых, мой вам совет: прислушивайтесь к ним, но решение принимайте самостоятельно. Среди научной и творческой интеллигенции немало таких, которые ловят настроения начальства на ходу, стараются ему угодить и сделать приятное, а потом попросить что-нибудь взамен. Когда же мы, партийные руководители, примем неверное решение, легко отмежуются от него. Не мы, мол, были главными. Это все они, невежественные большевики, деспоты и диктаторы, враги культуры и знаний. Постарайтесь, товарищ Маленков, впредь учитывать это.

Учебник сохранили. Сталин сохранил в глубине своей феноменальной памяти фамилию этого «ершистого» сотрудника аппарата ЦК. У вождя был какой-то особый нюх на способных, перспективных людей, и он редко его подводил. Вскоре, впрочем, он вновь услышал эту фамилию.

Через несколько месяцев, на докладе у Сталина Маленков решил сообщить ему о конфликтной ситуации в одной из крупных областных партийных организаций. Речь шла о Сталинградской области, куда для разбора поступившей в ЦК жалобы о несправедливости привлечения к суду как «врагов народа» группы партийных и хозяйственных работников был послан инструктор Центрального Комитета П. К. Пономаренко. Накануне в ЦК партии прошло совещание, где резко осуждались необоснованные аресты и увольнения людей и говорилось о необходимости соблюдения партийных норм и советской законности. Пономаренко и прибыл в Сталинград как представитель партийного Центра для наведения порядка и прекращения беззаконий.

Сразу с железнодорожного вокзала он направился в обком партии, к его первому секретарю А. С. Чуянову, который, несмотря на позднее время, работал у себя в кабинете. Предложил немедленно заняться разбором поступившего в ЦК письма. Чуянов подтвердил, что в тюрьме под следствием находится свыше 30 партийных, советских и хозяйственных работников, обвиненных во вредительской деятельности. Тут же вызвали начальника областного управления НКВД, попросив его доставить в обком личные дела подследственных. Папками с ними вскоре завалили кабинет секретаря.

Пономаренко, несмотря на возражение чекиста, тут же вместе с Чуяновым приступил к проверке первого дела. «Один день в тюрьме – это пять лет жизни, – сказал он. – Будем работать сутками напролет, но поручение Центрального Комитета выполним как можно быстрее». Чуянов, понимавший необоснованность многих арестов, согласился с ним, а начальник областного управления НКВД, сославшись на поздний час, уехал домой.

До утра Пономаренко с Чуяновым тщательно изучили несколько дел. Все они были основаны на малоубедительных, а то и просто надуманных обвинениях. Когда пригласили тех, кто сигнализировал о «вредительской деятельности» арестованных, стало ясно, что все обвинения липовые.

В течение трех суток с небольшими перерывами на сон и еду Пономаренко с Чуяновым занимались проверкой возбужденных дел. Серьезные основания для привлечения к суду за «вредительскую деятельность» нашли только в четырех. Остальных людей, несмотря на ярост-

ные возражения областного управления НКВД, приехав в тюрьму, выпустили, извинившись перед невинно пострадавшими людьми. При этом Пономаренко ссылался на директивы ЦК, что помогло снять все преграды. Но уже вечером в Сталинградский обком позвонил из Москвы Маленков и в повышенном тоне потребовал от Пономаренко прекратить самовольные действия. Ему уже звонили из областного управления НКВД, а затем и сам всесильный глава НКВД Ежов с жалобой на «ставшего на сторону врагов народа» инструктора ЦК. «Никто не позволит вам либеральничать, – выговаривал в телефонную трубку Маленков. – Вы превысили свои полномочия и понесете за это самую строгую ответственность». «Я к этому готов, – ответил Пономаренко. – Но прошу заметить, что наши с Чуяновым действия поддержали все члены бюро обкома. Все они подписались под письмом, которое направлено в ЦК».

Вот об этом конфликте Маленков и рассказал Сталину, зная, что ему все равно доложат о письме руководителей областной партийной организации.

– Как фамилия того инструктора? – спросил Сталин.

– Пономаренко, он работает в аппарате недавно. Рекомендовал лично товарищ Андреев. Претензий по работе нет. Характеризуется положительно. Вот только с партийной дисциплиной у него явный беспорядок... Может заупрямиться и стоять намертво на своем.

– Это не тот ли ершистый молодой человек, который отстоял учебник по металлургии?

– Да, именно он, товарищ Сталин.

– Ну, а почему вы обращаетесь прямо ко мне, что вы сами-то сделали, чтобы решить этот вопрос?

– Я предупредил инструктора о самой строгой ответственности, которую он понесет за свои самоуправные действия по возвращению в Москву, просил его изменить свою позицию. Но он моему указанию не подчинился. Заявил, что послан в Сталинград не Маленковым, а Центральным Комитетом партии, и что принял решение, руководствуясь своим партийным долгом и совестью коммуниста. Изменить свое решение его не заставит никто, даже сам товарищ Сталин.

Маленков как опытный аппаратчик понимал, что молодой партийный работник будет отстаивать свою позицию и наверняка обратится к своему протеже Андрееву, а к нему Сталин относился с большим уважением. Да и сам вождь с его феноменальной памятью наверняка вспомнит фамилию того инструктора, из-за которого на совещании в ЦК по изданию научной и учебной литературы Маленков получил изрядную взбучку.

– Инструктор прав, – после небольшого молчания сказал Сталин. – Генеральный секретарь не может изменить постановления Центрального Комитета, так же как и заставить рядового коммуниста действовать против его совести. А что касается НКВД, так его действия как раз и проверялись.

Позже, когда окончательно выяснилось, что обвинения против сталинградских работников были действительно сфабрикованы, и что имела место явная попытка расправиться с настоящими коммунистами, честно служившими советской власти, Сталин в довольно резких тонах отчитал Ежова и предупредил его, что за продолжение таких беззаконий он понесет самую суровую ответственность. К этому времени стало ясно, что НКВД явно перебарщивает по части массовых арестов «врагов народа».

Надо сказать, что не все руководители республиканских и партийных организаций проявляли твердость и принципиальность в отстаивании честных людей. В январе 1938 года было принято специальное Постановление ЦК по этому вопросу, где резко осуждались необоснованные репрессии и намечались меры по исправлению допущенных несправедливостей и злоупотреблений.

Вскоре после этого Пономаренко, направленного в Белоруссию возглавить республиканскую партийную организацию, вызвали к Сталину. Тот без обиняков сказал ему, что Пономаренко направляют для наведения порядка в республике и, прежде всего, для прекращения репрессий. В руководство республики, да и в местные органы власти пролезло немало людей, умышленно вредивших партии, срывавших строительство новой жизни. Миндальничать с этими явными и замаскированными врагами народа было нельзя. Но наряду с ними пострадало немало честных и преданных советской власти людей. Республиканские органы НКВД явно перестарались и, несмотря на принятые партией решения, продолжают необоснованные аресты.

– Вам надо унять этих людей, – сказал Сталин, – и наладить работу партийных организаций, которые, похоже, растерялись и слепо идут на поводу у распоясавшихся чекистов.

Вождь подошел к Пантелеймону Кондратьевичу и продолжал с горечью, как бы оправдываясь:

– Люди на руководящие посты попадают случайные, выслуживаются как могут. А партия – единственное ведомство, которое должно наблюдать за работой всех, не допускать нарушений.

– Но, товарищ Сталин, я там человек новый. Местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями. У них там наверняка круговая порука. А мне одному трудно будет с ними справиться.

– Вы не из робкого десятка, потому туда и посылаем. Конечно, не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь один. И если не поймут, поясните им это. От того, как вы себя поставите, будет зависеть ваш авторитет и успешность работы. Но главное – налаживайте активную работу партийных организаций и опирайтесь на них.

Сталин приблизился к Пономаренко и тихо, без патетики произнёс:

– Вы представляете в Белоруссии силу, выше которой ничего нет. Вы можете в любое время поднять трубку телефона и сказать мне, с чем или с кем вы не согласны. У вас – неограниченные полномочия. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

– Да, понял, товарищ Сталин. Но хотел бы все-таки получить ваш совет, с чего начать.

– Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, заслушайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери – и пусть идет домой. Вам это не впервой. И помните, мы вам доверяем.

Выборы нового руководителя республиканской партийной организации прошли без проблем. Хотя Пономаренко и чувствовал на себе косые взгляды руководителей республиканского НКВД – видимо о том, что он будет для них «крепким орешком», им уже доложили. Но когда после Пленума у него поинтересовались о времени проведения партийно-хозяйственного актива – на нем обычно первые лица озвучивали свои планы и ставили задачи, – Пантелеймон Кондратьевич сказал, что начнет не с этого. «Запросим дела и пойдем в тюрьму», – сказал он опешившим подчиненным. «Как можно нормально работать и проводить активы, когда люди всего боятся и ожидают арестов?».

В этот же день вместе с помощниками и представителями НКВД отправился в тюрьму, где и начал проверку дел. Как и в Сталинграде столкнулся с яростным сопротивлением местных чекистов. Они всячески тормозили работу и пустили в ход «тяжелую артиллерию», угрожая Ежовым и обращениями в Центральный Комитет. Пономаренко вынужден был позвать Сталина, после чего энкавэдэшники несколько уgomонились. Хорошо зная психологию этих людей, новоизбранный белорусский партийный секретарь решил их окончательно добить. Пригласил руководителей НКВД на совещание, где дал высказаться тем, кто пострадал от их действий, а в заключительном выступлении заявил: «Не буду скрывать, товарищи, что послан в республику лично товарищем Сталиным. И имею от него необходимые полномочия. Прямо

скажу, столкнулся с вопиющими безобразиями. За тюремной решеткой оказались честные люди. Будут мне мешать, там окажутся те, кто сейчас от нее по другую сторону». После этого сопротивление прекратилось.

Как и в Сталинграде, Пономаренко работал сутками напролет, вызывая всех к себе по одному. Добился освобождения многих. Благодаря ему удалось спасти видных деятелей белорусской культуры Янко Купалу и Якуба Коласа, ордера на арест которых были уже выписаны. Правда, для этого пришлось ходатайствовать за них перед Сталиным. В то же время с явными врагами и вредителями Пантелеймон Кондратьевич не церемонился, прямо говоря, что поддерживает здесь действия чекистов. Случались и курьезы. Решил выпустить из тюрьмы одного сидельца, обвиненного в нелегальном переходе границы. А границы как таковой в селе, разделенном на польскую и белорусскую части, не было. Даже некоторые семьи там оказались разделенными. А так называемый «диверсант» снабжал поляков, перешедших в белорусскую часть села, самогоном. А переходили потому, что в Польше действовал в то время сухой закон. Многим же хотелось выпить, вот они и шли к белорусам. Среди них был даже полковник Бек, ставший впоследствии министром иностранных дел Польши. Так вот когда Пономаренко сказал мнимому «диверсанту» – «Иди домой, ты свободен», тот отказался. Пойду, говорит, только когда получу тюремную пайку утром. Не могу, мол, голодным до своей деревни добираться.

Еще один освобожденный, поэт, попал в тюрьму за стихи о Сталине. Сверхбдительный чекист обратил внимание на первые буквы из первых трех строк. Получилось ВОШ, оскорбление вождя, вот и завели дело.

Когда на заседании Политбюро в декабре 1939 года Пономаренко, докладывая о результатах своей работы в Белоруссии, привел, чтобы оживить свой рассказ, эти эпизоды, он сильно позабавил ими присутствовавших. Смеялся и Сталин. А потом сказал: «Передайте пострадавшим товарищам наше сочувствие, а поэту скажите, пусть и о тараканах не забывает. Дураков у нас ещё много. И не только на уровне республики».

Пономаренко заметил, как сжался сидевший недалеко от него Хрущев. Сталин неоднократно одергивал его за чрезмерное усердие в проведении репрессий. Слова вождя он, видимо, и не без оснований, принял в свой адрес. Вот тогда еще у мстительного «Микиты» зародились семена ненависти к сталинскому выдвиженцу, которая с особой силой проявилась после смерти вождя.

Эта ненависть еще более окрепла в 1942 году после одного из совещаний, состоявшихся у Сталина. Вот как рассказывал об этом сам Пономаренко:

«На совещании я застал известных украинцев: Корнейчука, Соссюру, Бажана, Рыльского, Тычину, Довженко. Обсуждался режиссер и киносценарист Александр Довженко, который ошибался, считая, что теперь, во время войны, следует обращаться к народу не от имени ЦК, а от имени тех или иных деятелей культуры, интеллигенции, которых мол, люди знают и ценят, а они-то должны поднимать народный дух. Сталин считал это неверным.

Иосиф Виссарионович, обращаясь к Довженко, сказал: «Не заглядывайте в рот Хрущеву. Он плохо занимается идеологической работой на Украине, и эту работу провалил. Он считает, что национализм можно изжить только репрессиями. Это неверно. Репрессии против националистов только расширяют и укрепляют национализм, создавая им ореол борцов и мучеников. Нужно проводить линию по изживанию пороков другим путем: убеждением, практикой работы, уважением к национальным традициям, привлечением национального в общий интернациональный фонд – только тогда можно изжить вредные националистические настроения буржуазно-реставрационного характера. Хрущев этого не понимает».

Довженко признал ошибки, извинился, что отрывает Сталина от более важных дел, и обещал исправиться.

Сталин деликатно отнесся к Довженко. Подойдя ко мне, спросил: «Найдем другого на место Хрущева?» – и взял меня за руку. Я ответил: «Товарищ Сталин, партия большая, на любое место можно найти человека». Хрущеву об этом, конечно, сообщили».

Поведение Пономаренко, не боявшегося идти на конфликт с могущественным НКВД ради спасения невинных людей, резко контрастировало с малодушным, а то и явно трусливым поведением других давних сталинских соратников, занимавших куда более важные посты. Примерно в то же время, когда Пономаренко с Чуяновым отстаивали в Сталинграде невинно пострадавших людей, член Политбюро Анастас Микоян был послан в Армению, имея такое же задание – проверить обоснованность обвинений во «вредительстве» и «связях с троцкистами» 300 ответственных работников этой республики. На причастности этих лиц к вредительству настаивал НКВД, у Сталина же были сомнения, он и послал туда Микояна. Тот, хотя и почувствовал надуманность многих обвинений, полностью подтвердил вину арестованных работников, подписал соответствующий документ, вычеркнув, правда, всего одну фамилию, Шевардяна, своего бывшего наставника и соратника по дореволюционному подполью. Но когда чекисты представили на него дополнительные материалы, отстаивать своего друга не стал. Влиятельнейший, казалось бы, Микоян решил не идти против течения, не портить отношения с руководством НКВД, которое тогда один за одним организовывало шумные процессы над «врагами народа». Вот вам и «коммунист с дореволюционным стажем», работавший в царское время в условиях подполья! Впрочем, в прошлом Микояна, к которому Сталин всегда испытывал внутреннее недоверие, были невыясненные моменты. Он стал единственным из 26 бакинских комиссаров, избежавшим в годы гражданской войны гибели от рук ярых врагов советской власти, за спиной которых стояли англичане. Счастливый ли это случай, или что-то другое, достоверными фактами подтвердить или опровергнуть было невозможно...

Смелость и умение брать на себя ответственность, не страшась ни возможного недовольства Центра, ни сопротивления «благоразумного» большинства, Пономаренко проявил и в первые дни Великой Отечественной войны, когда фашистская военная машина, ломая все на своем пути, быстро продвигалась в глубь советской территории.

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, он позвонил Сталину и предложил немедленно приступить к эвакуации с белорусской территории промышленных предприятий, которые неизбежно были бы захвачены быстро наступающими немцами. Эту позицию поддержало и Бюро ЦК КПБ. Для Сталина такая постановка вопроса была совершенно неожиданной, он колебался. Пономаренко сумел убедить его, хотя и знал, что если удастся хоть ненадолго задержать немцев, его привлекут к самой суровой ответственности за «паникерские настроения».

Впрочем, не дожидаясь решения Центра, он уже дал указание начать демонтаж промышленного оборудования, который шел полным ходом. Пантелеймон Кондратьевич взял всю ответственность на себя, хотя и знал, что мог поплатиться за это головой. В результате, несмотря на неожиданно быстрое продвижение немцев, удалось вывезти на восток страны оборудование 83 основных заводов, работавших на территории Белоруссии. И одновременно вывести из строя многие коммуникации и подвижной состав, который так и не достался немцам. Начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер признавал в своем знаменитом дневнике, что «главные трудности, которые наступавшая немецкая армия не сумеет преодолеть в ближайшее время, связаны с недостаточным количеством захваченных русских вагонов. Нам удалось захватить только очень небольшое количество подвиж-

ного состава, да и тот в большинстве случаев приведен в негодность... Недостаток ощущается прежде всего в паровозах, большинство требует ремонта».

Когда стало ясно, что командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов утратил контроль над своими армиями, Пономаренко обратился к Сталину с просьбой прислать в Белоруссию более опытного и умелого военачальника. Тот сразу ответил ему, что уже думал над этим и срочно посылает на помощь растерявшемуся командующему маршала Б. М. Шапошникова, одного из лучших на тот период знатоков военного искусства.

Отношения с Павловым у Пономаренко складывались далеко не идеально – как умный и наблюдательный человек, член Военного Совета Белорусского военного округа, Пантелеймон Кондратьевич видел крупные упущения в предвоенных оборонительных мероприятиях на территории округа, говорил о них Павлову, но тот мало обращал на это внимания. Не прореагировал он даже тогда, когда Пономаренко передал командующему округом информацию одного из секретарей пограничного райкома о том, что немцы стали прорезать проходы в своих проволочных заграждениях, явно готовясь к наступлению. Тем не менее Пономаренко не стал охаивать перед Сталиным Павлова, которого считал честным, но не подготовленным для высокого поста человеком, просил только оказать ему необходимую помощь и преодолеть растерянность, вызванную быстрым продвижением немецких армий.

Смелость в принятии решений и твердость в их выполнении – именно эти качества белорусского руководителя и привлекали вождя. Он ведь и сам был таким. Еще Ленин не уставал повторять, что настоящий коммунист и, тем более, руководитель даже в самых критических ситуациях не должен бояться, опускать руки, идти на беспринципные уступки в принципиальных вопросах, – и Сталин, следуя его примеру, поступал так всю свою жизнь. Предстояло немало трудностей и испытаний как в ходе строительства социализма, так и в борьбе с капиталистическим окружением. И самое опасное здесь было испугаться, пойти на уступки, начать искать легкие пути, которые неизбежно ведут к капитулянтству, к сдаче социалистических позиций перед натиском мелкобуржуазной стихии.

Жажда безмятежной и бесконфликтной жизни, не говоря уже об обывательском приспособленчестве и трусости, несовместима с политическим и моральным обликом настоящего коммуниста. От того, кто взялся за тяжелейшую задачу строительства коммунистического общества, требуется личная самоотверженность, нацеленность на «штурм небес». Смелость, смелость и еще раз смелость! Этот лозунг, выдвинутый еще во времена французской буржуазной революции, как никогда больше подходил к задачам будущего дня, когда надо будет, опираясь на достижения социализма, переходить уже непосредственно к коммунистической стадии.

«Партии, народу нужны смелые, волевые, бесстрашные руководители, – говорил Сталин. – Ленин даже в 1918 году, когда обстановка была неимоверно тяжелой, а враг еще очень силен, проявлял твердость и бесстрашие, его голос гремел. Да, гремел, гремел, гремел как никогда! И новое поколение коммунистов, те, кто идет нам на смену, должны унаследовать смелость и твердость. Тогда победа социализма будет обеспечена и никакие силы извне, никакой капитализм не сможет помешать нам стать первой в мире державой по уровню производительности труда, по уровню материальных и культурных благ своего народа...»

В годы войны ярко проявилось и другое ценное качество белорусского руководителя – умение глубоко продумывать и успешно реализовывать крупномасштабные замыслы. Речь идет о партизанском движении, развернувшимся на оккупированных немцами советских территориях. О возможности его организации говорилось еще в предвоенное время. Но реальная

работа началась в первые месяцы войны. Пономаренко принимал в ней участие как член Военного Совета ряда фронтов, а затем 3-й ударной армии Калининского фронта.

Вопрос о централизованном руководстве партизанским движением был поставлен в июле 1941 года, но по ряду причин конкретные организационные меры в этом направлении откладывались. В декабре Пономаренко вызвали в Кремль, где он два часа беседовал со Сталиным по вопросам организации и поддержки партизанского движения. Было видно, что Верховный Главнокомандующий тщательно изучал различные предложения, касающиеся этой проблемы. Изучал, беседуя с людьми, сопоставляя, изучая различные мнения и подходы. Это был его характерный стиль – находить оптимальное решение в ходе такого сопоставления и изучения. Видимо, Сталин уже разочаровался в проектах, которые предлагали. Поэтому поддержал Пономаренко, когда тот критически высказался о предложении заместителя наркома обороны Е. А. Щаденко начать формирование на территории противника целых армий, выделяя им из Центра необходимое вооружение и ресурсы.

По мнению Пантелеймона Кондратьевича, надо было поднять на борьбу с оккупантами десятки миллионов людей, оставшихся на захваченных ими территориях, а не подменять эту борьбу действиями общевойсковых армий. Верховный Главнокомандующий одобрил эту позицию, сообщив, что в таком духе на днях и было принято решение Центральным Комитетом ВКП(б). Тогда, в декабре 1941 года Пономаренко было предложено возглавить Центральный штаб партизанского движения, но по каким-то причинам это решение отложили, и Пантелеймон Кондратьевич отбыл в действующую армию.

От того, кто возглавит централизованное руководство борьбой против немецких захватчиков в тылу, зависело многое. Сначала руководителем всего партизанского движения был поставлен соратник вождя еще по гражданской войне К. Е. Ворошилов. Но обеспечить необходимый уровень руководства он так и не смог. Нужны были другие подходы, и Сталин продолжал искать человека, способного обеспечить превращение этого движения в действительно грозную силу, помогающую Советской армии бороться с опасным врагом. Пронырливый Хрущев, узнав об этом, рекомендовал вождю своего человека – В. Т. Сергиенко, наркома внутренних дел Украины. Сергиенко был крайне ограниченным и жестоким человеком, он не гнушался лично, кулаками выбивать признательные показания у арестованных. И даже с каким-то упоением рассказывал о зверских избиениях, с помощью которых выбивал признания из людей. Такие деятели, без чести и совести, готовые на все, чтобы угодить вышестоящему руководству, были у Хрущева в фаворе. Можно представить, что бы натворил Сергиенко, оказавшись на высоком посту.

Пономаренко, как и Сергиенко, вызвали в Москву по партизанскому вопросу. Пантелеймону Кондратьевичу предложили подготовить и представить свои соображения об организации партизанского движения, что он и сделал, направив их Сталину. Так получилось, что номер Сергиенко в гостинице «Москва» оказался рядом, и он пригласил к себе отнекивавшегося Пономаренко чтобы отметить свое предстоящее назначение Начальником Центрального штаба партизанского движения. Сергиенко не сомневался в том, что займет этот пост. Ведь его кандидатуру помимо Хрущева поддержал и другой член Политбюро Лаврентий Павлович Берия. Ну а Пономаренко, по всей вероятности, сделают его заместителем. Сергиенко знал о том, что назначение Пантелеймона Кондратьевича начальником штаба не состоялось, а второй раз возвращаться к кадровым вопросам в то время было не принято.

Хрущевский ставленник находился в сильном подпитии и очень обижался, что Пономаренко отказывался присоединиться к попойке: «Некомпанейский ты мужик, а ведь под моим

началом, поди, будешь не один год служить». Пономаренко стоило больших усилий выйти из его номера.

Прошло несколько дней, но Пономаренко никто никуда не вызывал. Он решил позвонить Сергиенко, узнать, когда состоится заседание штаба, и тот вдруг угодливо ответил «Когда прикажете». Пантелеймон Кондратьевич решил, что его разыгрывают. Но Сергиенко вновь и вновь повторял просьбу дать ему необходимые указания. Оказалось, что на заседании Государственного Комитета Обороны начальником Центрального штаба был утвержден именно Пономаренко. Сталин раскритиковал предложенный Хрущевым и Берией план развития партизанского движения, в соответствии с которым предполагалось формирование 7-тысячных партизанских бригад, по сути крупных боевых соединений Красной Армии в немецком тылу. В них планировалось создать такую же командную структуру, ввести те же должности и звания, что и в действующей армии. Руководителем же штаба предлагалось назначить Сергиенко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.